

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА, ОТРАЖАЮЩИЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РУССКОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА XX – НАЧАЛА XXI в.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2016), 57–65
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2016), 57–65
©Автор(ы) 2016

«ПРЕЖДЕ ОРУЖИЯ – МЫ ИСПЫТЫВАЕМ СЛОВО». ТЕКСТОВЫЕ
МАРКЕРЫ НЕОГРАНИЧЕННОЙ ЛЖИ И ОГРАНИЧЕННОЙ ПРАВДЫ
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГАЗЕТЕ
(по страницам романа Е. Замятина «Мы»)

С.Л. Андреева

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
216zamsv@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме манипуляции общественным сознанием в государственных газетах, формированию у читателей критического мышления и навыков распознавания правды и лжи в пропагандистских текстах.

Материалом послужил стилизованный под газетный текст фрагмент романа Е.И. Замятина «Мы». Антиутопии ценны тем, что становятся индикаторами стереотипов массового сознания, которые используются манипуляторами. Стройной системой готовых социальных стереотипов является утопизм, поэтому даже самые безобидные утопические идеи легко «переворачиваются» манипуляторами. Главной привлекательностью утопических констант является их прочная связь с культурно-исторической памятью народа и безусловная положительная оценка, блокирующие критическое мышление. В анализируемом отрывке романа представлена типичная модель газетной манипуляции.

В статье анализируется технология манипуляции общественным сознанием с использованием речевых стереотипов, которые делают незаметными механизмы манипулирова-

Андреева Светлана Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры документо-ведения и архивоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: 216zamsv@mail.ru

ния – блокирование критического мышления (лестью, запугиванием), деформацию исходного образа, формирование ключевой манипулирующей иллюзии, постановку требуемой цели. Технология манипуляции разворачивается скрыто, в подтексте, для чего используются речевые стереотипы: закономерности актуального членения предложения; сочетание коннотативно не сочетающихся слов; использование слов с ослабленным или отсутствующим предметным значением; формирование нужного ассоциативного фона с помощью аллюзий, частично искажающих смысл древних текстов; трансформация фразеологизированных синтаксических конструкций, подмена понятий, повторы и т.д.

Пропагандистский текст государственной газеты считается по повторяемости элементов текста, по их строгой выверенной последовательности, по лаконичности формы и отсутствию «лирических отступлений». Отточенность пропагандистских текстов есть результат действия типичного механизма манипулирования общественным сознанием.

Ключевые слова: технология манипуляции, общественное сознание, газетный текст, антиутопия «Мы», Е.И. Замятин, речевые стереотипы

Введение

Проблема манипуляции общественным сознанием (далее – МОС) начала обозначаться в 60-е гг. XX в. в связи с опасностью воспроизводства тоталитарных режимов¹, а позднее – с рекламным психологическим «зомбированием», меняющим ценностную парадигму общества, лишаящим индивида способности противостоять манипуляции². Сегодня указанную проблему рассматривают в аспекте информационно-психологической безопасности человека и общества³. Анализ проблемы МОС проводился с трех возможных позиций: *с позиции жертвы манипуляции, с позиции внешнего наблюдателя и с позиции манипулятора*. Последняя позиция превратила знания средств речевого (и не только) воздействия на индивидуальное и массовое сознание в технологию, которой профессионально обучают и которая таким образом постоянно совершенствуется⁴.

Манипуляция представляет собой умелую, сложную и всегда скрытую игру *стереотипами*. Из них формируется *иллюзия*, которая незаметно внушается людям, чтобы те руководствовались ею в реальной жизни. Стройной системой готовых социальных стереотипов является *утопизм*, заставляющий человека смотреть на мир сквозь призму устойчивых и исторически воспроизводимых доминант. Данный тип сознания удобен манипулятору: 1) он сам по себе есть комплекс готовых иллюзий, с помощью которого легко добиваться самых разных, в том числе негуманных целей; 2) утопические иллюзии сложно распознать как опасные, так как они системно связаны между собой, вплетены в исторический опыт предков и определяют культурную идентичность индивида; 3) утопические стереотипы базируются на архетипе, средства объективации которого в человеческой культуре разнообразны, а главное, они всегда положительно оцениваются людьми. Стереотипы в виде идей, оценок, целей, образов, представлений и других продуктов сознания человеческого социума, как правило, рано или поздно вербализуются, и языковые средства становятся трансляторами, иногда их символами, знаками.

¹ Козлова 2010, 113.

² Кара-Мурза 2004.

³ Федоров 2014; Meyssan 2007.

⁴ Доценко 1997.

Для анализа мы выбрали роман Е.И. Замятина «Мы» 1920 г., который стал не только литературным каноном антиутопий, но и интереснейшим социокультурным исследованием, раскрывающим технологию МОС. Для «проникновения» в сознание манипулируемого объекта Замятин использует дневниковую форму, помогающую рассмотреть, как действуют на простого человека попавшие в руки манипулятора слова, образы, идеи, которые веками были связаны с мечтой о всеобщем счастье.

На первой, знаковой странице романа Е. Замятин обозначает мощное орудие манипуляторов – Государственную Газету. Что лучше газеты показывает «градус» свободы/несвободы общества? Нас заинтересовал стилизованный газетный текст. Стилизация достигается за счет использования писателем типичных для газет приемов манипулирования. Отношение остального текста романа к газетным фрагментам можно рассматривать как отношение *затекста* (части, где формируется почва для манипуляции) к *тексту* (внешнему конечному речевому продукту манипулятора) и *подтексту* (скрытой части текста, в которой и разворачивается механизм манипуляции).

«Говорящими» маркерами в тексте Государственной Газеты можно считать все элементы текста, включая графическое членение и шрифтовое выделение, поэтому приведем фрагмент без купюр и для удобства анализа разметим маркеры текста: *«Я просто списываю – слово в слово – то, что сегодня напечатано в Государственной Газете:*

«(1) Через 120 дней заканчивается постройка ИНТЕГРАЛА. (2) Близок великий, исторический час, (3) когда первый ИНТЕГРАЛ взойдет в мировое пространство. (4) Тысячу лет тому назад (5) ваши героические предки (6) покорили власти Единого Государства (7) весь земной шар. (8) Вам (9) предстоит еще более славный подвиг: (10) стеклянным, электрическим, огнедышащим ИНТЕГРАЛОМ проинтегрировать бесконечное уравнение Вселенной (11) Вам предстоит благотворному игу разума (12) подчинить неведомые существа, обитающие на иных планетах – быть может, еще в диком состоянии свободы. (14) Если они не поймут, что мы несем им (15) математически безошибочное счастье, (16) наш долг (17) заставить их быть счастливыми. (18) Но прежде оружия – (19) мы испытываем слово.

(20) От имени Благодетеля (21) объявляется всем номерам Единого Государства:

(22) Всякий, кто чувствует себя в силах, обязан (23) составлять трактаты, поэмы, манифесты, оды или иные сочинения (24) о красоте и величии Единого Государства

(25) Это будет первый груз, который понесет ИНТЕГРАЛ

(26) Да здравствует Единое Государство, (27) да здравствуют номера, (28) да здравствует Благодетель!»⁵

Элемент 1 – нейтральный новостной элемент газетного текста. Он всегда необходим манипулятору как повод для начала коммуникации.

Элемент 2 (*Близок великий, исторический час*) – первый маркер манипуляции, выполняющий задачу снижения или полного уничтожения критической рефлексии

⁵ Замятин 1989, 307.

сии путем отвлечения внимания читателя на что-то малозначимое, но представляемое, как значительное. Использование эпитетов *великий, исторический* (час) рассчитано на честолюбие адресата и на внедрение мысли, что он (маленький человек) приобщен к великой истории, вершит ее. В стремлении подавить критическое мышление манипулятор может делать расчет на человеческую лень, желание переложить ответственность на другого, страх перед будущим, желание войти в какую-то социальную группу (или хотя бы быть причисленным к ней) или, например, на желание отметиться в истории. Стереотип «человек способен вершить историю по своему усмотрению», по мнению немецкого историка Р. Козеллека, создан нашим временем: «...мысль о способности человека творить историю возникла лишь около 1780 года <...> в результате длительной эволюции теоретической мысли Просвещения»⁶. Призыв вершить историю способен романтизировать все что угодно: он не связан с конкретным представлением о действиях, а только с результатом – изменять судьбу народа/ов, стран/ы, и, главное, быть причисленным к категории не «тварей дрожащих», а тех, «кто право имеет». Прилагательное *великий*, типичный маркер лжи, используется для романтизации внушаемой идеи, ослабления критического мышления и деформации образа (главного условия удачной манипуляции). Причина в характере значения этого слова. Все три его значения, отмеченные толковыми словарями, качественные, однако они не формируют конкретного представления (как, к примеру, цветочные прилагательные). Восприятие этого слова связано с операцией сравнения предметов, явлений или признаков со средней нормой, т.е. можно сказать и *великий поэт / полководец / почин* («выдающийся по своим достоинствам, очень важный»), и *великий преступник, / глупец, / страх* («превышающий среднюю меру»). Многозначность и абстрактность слов ловко используется манипуляторами. Расчет на стереотип. Так, по данным РАС⁷ из 636-ти ассоциаций на слово *великий* – только 18 (0,03%) реакций содержат отрицательные оценки (*глупец, страх, демагог, демон, грех, ничтожество, ужас* и др.), причем часть из них можно признать ассоциациями по противоположности. Безусловно, прилагательное *великий* исходно транслирует положительную оценку существительным, с которыми сочетается.

Элемент 3 (*когда первый ИНТЕГРАЛ взорвется в мировое пространство*) продолжает романтизацию и усиливает уникальность момента, еще более подавляя критическое восприятие. Слова *первый (впервые)* выполняют функцию словесных «крюков» внимания и поэтому часто используются рекламой. Сочетание *мировое пространство* вводит утопический стереотип всемирности (положительно оценивается то, что является всеобщим, например, если *пролетариат*, то обязательно *мировой*, если разрушить, то *весь мир насилья*, если бороться, то с *Мировым Злом* за *Мировое Добро*, если *счастье*, то *для всех* и лучше *одинаковое* и т.п.).

Элемент 4 (*тысячу лет тому назад*) – стандартный прием отсылки к культурной памяти народа. В прошлом выбирается общеизвестный факт, который подвергается деформации (см. фрагменты 5, 6, 7 – *ваши героические предки покорили власти Единого Государства весь земной шар*). Налицо целенаправленное искажение прошлого: «героические предки нумеров» – это те, кто выжил в двухсот-

⁶ Koselleck 1979.

⁷ Русский ассоциативный словарь 2002/1, 81.

летней войне; также из романа мы знаем, что покорен был далеко не весь земной шар (за Зеленой Стеной живут люди в «диком состоянии свободы»), да и Единое Государство оказалось не таким уж единым (периодически появляются «враги счастья»). Все деформированные образы отличает простота, а то, что не вместились в них, отмечается. Расчет таков: человек, по-новому оценивающий свое прошлое, иначе (в заданном русле) оценивает настоящее и, главное, навязываемое будущее. Упрощенный образ вводится как истина, настолько ясная и простая, что человек удивляется тому, как раньше он не понимал очевидного. И еще с большей силой начинает верить в правоту манипулятора. В этот момент закрепляются каркасные для МОС иллюзии: 1) «наконец-то нашелся мессия, который знает правильный путь»; и 2) «сам он (манипулируемый) не способен здраво мыслить, поэтому должен слушаться мессию и верить ему». Формируется суггестивное сознание, которым можно легко управлять⁸.

Искажение знакомого образа часто осуществляется путем подмены понятий. Легче всего использовать слова, которые имеют привычное для всех, но совершенно неконкретное значение. Часто мы наблюдаем игру «базовыми наименованиями констант культуры» (по Ю. Степанову⁹), их производными, синонимами, словами общей тематической группы – *добро, благо, совесть, подвиг, правда, грех, закон, народ, разум, свой, чужой, число, мир, цивилизация* и т.п. Вспомним, что главного тирана в романе «Мы» зовут не иначе, как *Благодетель*, а публичную казнь *Праздник Правосудия*.

Элемент 9 (*еще более славный*) усиливает романтизацию за счет связи с культурной памятью (конечно, уже в деформированном виде) и скрыто вводит истинную задачу будущего *предстоит подвиг*. Однако слово *подвиг* при всей своей положительной коннотации все же связано с жертвенностью, поэтому далее суть задачи вводится не прямо («колонизировать другие планеты»), а метафорически (*стеклянным, электрическим, огнедышащим ИНТЕГРАЛОМ проинтегрировать бесконечное уравнение Вселенной* (10)). Вообще наличие метафор (и образных экспрессивных сравнений) в официальных текстах чаще всего, с нашей точки зрения, показатель МОС и маркер лжи.

Искусство манипулятора заключается не только в подборе слова, но и создании для него нужного контекста. И здесь используются речевые стереотипы, например, закономерности актуального членения предложения. Так, знание, что новая информация, коммуникативно более важная размещается в реме (традиционно совпадающей с концом предложения), становится причиной попадания в «ловушку». Этот прием подметил и смоделировал Замятин: стратегически важная мысль «готовится военный захват инопланетных территорий» включается не в рему, а в тему, которая обычно считается поверхностно как уже известное, знакомое читателю. В рему же помещается малозначимая для манипулятора, совершенно «беззубая» информация. Фраза, вынесенная в заголовок статьи, тому пример: «Прежде оружия мы испытываем слово» с позиций актуального членения делится на тему – «прежде оружия» (18) и рему – «мы испытываем слово» (19). До этого речь о завоевании «неведомых существ» не шла, поэтому сознание читателя готовят к вводу «опасной» информации. Ранее по тексту мы виде-

⁸ Козлова 2010, 117.

⁹ Степанов 2001, 6.

ли еле заметные сигналы – *подчинить* (1-й семантический сигнал), но внимание читателя сразу «усыпляется» контекстом из привычных ценностных стереотипов *благодетельному игу разума*. «Благо» и «Разум» – абсолютные культурные константы, позитивно оцениваемые всеми. То же происходит и со вторым сигналом *заставить их* (2-й сигнал). Его смысл нивелирован положительно окрашенным контекстом *быть счастливыми* и манипуляцией на чувстве вины и ответственности *наш долг* (16). В сознание читателей незаметно, между делом в синтаксически слабых позициях (не в предикатах, не в реме) вводится информация, которая при прямой подаче могла бы вызвать нежелательную реакцию со стороны читателей: споры, протесты, обвинения. Поэтому ее подают так, будто она всем уже очевидна и всеми принята. Манипулятор просто скрыто упрекает гражданина «Ты один не понимаешь!».

Читателя обескураживает стилистический прием сочетания коннотативно несочетающихся слов *дикое состояние свободы, заставить быть счастливыми, благодетельное иго* и др. Такой прием тоже входит в арсенал методов оценочной деформации образа.

19-й элемент текста *мы испытываем слово*, хотя и информативно слабый, но включен в МОС. Это еще одна отсылка культурной памяти, аллюзия на евангельский текст – «В начале было слово» (Ин 1: 1). Навязывается ассоциативная связь двух ситуаций: момент сотворения мира Богом и начало колонизации ИТЕГРАЛОМ. Мы видим, что библейский образ деформирован, ведь Бог никого не собирался завоевывать: он творил сам без оружия и насилия. Замятин обозначает здесь важную тоталитарную идею, воспринятую социальными утопиями от крестовых походов римской церкви: «Насильственный захват территории, ресурсов оправдан, так как взамен захватываемые народы получают «правильную» идею (веру, государственный строй, образ жизни, «правильное счастье» или что-нибудь правильное до бесконечности вариантов)». Именно эта мысль заложена в предложении (14) *Если они не поймут, что мы несем им (15) математически безошибочное счастье, (16) наш долг (17) заставить их быть счастливыми*.

Есть и собственно «распорядительная» часть объявления, которая является, по сути, информативно пустой, но функционально значимой для манипулятора: (20) *От имени Благодетеля (21) объявляется всем нумерам Единого Государства: (22) Всякий, кто чувствует себя в силах, (23) обязан составлять трактаты, поэмы, манифесты, оды или иные сочинения (24) о красоте и величии Единого Государства*. Во-первых, делается ссылка на непререкаемый авторитет, мессию, гения: *от имени Благодетеля*. В его имени Замятин зашифровал главную оправдательную идею тирании «что бы ни делал мессия, все – на Благо». *Благо* – это слово-блокатор критического мышления. Его суть – положительная оценка чего угодно, при этом оно не наполнено предметным содержанием, как и прочие слова, которыми играет манипулятор.

В этом же отрывке (элементы 22, 23, 24) мы встречаем пример речевого давления, которое также маскируется речевым стереотипом – фразеологизированной синтаксической конструкцией: *всякий, кто чувствует себя в силах <...> может*. После первой части фразы (22) *всякий, кто чувствует себя в силах* читатель ожидает увидеть вторую часть конструкции – *может* (что-либо сделать), т.е. ‘способен, в состоянии что-либо делать <...> имеет возможность, разрешение, осно-

вание для совершения какого-либо действия <...> умеет'¹⁰. Однако добрая воля, которая предполагается в первой части, полностью отсекается второй частью *обязан составлять*, т.е. 'должен сделать то, что подлежит безусловному выполнению, за что он несет ответственность'. Здесь манипулятор уже не стесняется и открыто навязывает свою волю, «градус» несвободы растет. В 24-м фрагменте *о красоте и величии Единого Государства* не просто обозначается тема, но и диктуется официально принимаемая оценка – только *о красоте и величии*.

Элемент 25 *Это будет первый груз, который понесет ИНТЕГРАЛ* – формальная новость, задача та же, что и у фрагмента 1 – отвлечь внимание граждан на что-то малозначимое.

Завершается объявление в Государственной Газете чередой призывных лозунгов: (26) *Да здравствует Единое Государство*, (27) *да здравствуют нумера*, (28) *да здравствует Благодетель!* Непривычная концовка для жанра объявлений и более подходящая для агитационных речей. Писательский выбор не случаен, он напоминает читателям романа, что в государственной газете даже объявления идеологически выдерживаются в духе государственной линии. Троекратный приветственный лозунг *Да здравствует!* сопровождает и прочие цитаты из Государственной Газеты, появляющиеся в других частях романа. Однако показательно, что постепенно из списка тех, кому адресованы приветствия, выпадает народ (нумера). В одной из последних записей дневника другое призывное объявление заканчивается тоже троекратным: *Да здравствует Великая Операция. Да здравствует Единое Государство, да здравствует Благодетель!*¹¹. «Степень несвободы» считывается по повторяемости элементов текста, по их строгой выверенной последовательности, по лаконичности формы и отсутствию «лирических отступлений». Отточенность пропагандистских текстов есть результат действия стандартного механизма манипулирования.

Заключение

МОС в СМИ стала настолько привычной, что сегодня пользуются понятием «медиаграмотность», предполагающим наличие у читателей, слушателей и зрителей критического мышления, навыков в отделении правды ото лжи. Ценность антиутопий как раз и заключается в том, что они становятся индикаторами стереотипов массового сознания, проверяют качество идей на совместимость с человеческой жизнью. Главный герой романа «Мы», описывая «красоту и величие Единого Государства», заключил: «Есть идеи глиняные – и есть идеи, навеки изваянные из золота или драгоценного нашего стекла. И чтобы определить материал идеи, нужно только капнуть на него сильнодействующей кислотой, Одну из таких кислот знали и древние: *reductio ad finem*»¹².

ЛИТЕРАТУРА

Доценко, Е. 1997: *Психология манипуляций*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/docenko_psi/01.aspx.

¹⁰ Ожегов 1999, 354.

¹¹ Замятин 1989, 427.

¹² Замятин 1989, 383.

- Замятин, Е. 1989: *Избранное*. М.
- Кара-Мурза, С.Г. 2004: *Манипуляция сознанием*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kara-murza.ru/manipul.htm>.
- Караулов, Ю.Н., Черкасова, Г.А., Уфимцева, Н.В., Сорокин, Ю.А., Тарасов, Е.Ф. 2002: *Русский ассоциативный словарь*: в 2 т. Т. 1. М.
- Козлова, О.Н. 2010: *Манипуляция сознанием и субъектность в XXI веке*. *Вестник РГГУ* 3, 113-130. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsiya-soznaniem-i-subektnost-v-hhi-veke#ixzz43ACGgkJ9>.
- Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. 1999: *Толковый словарь русского языка*. М.
- Степанов Ю. 2001: *Константы: Словарь русской культуры*. М.
- Федоров Д. 2014: *Фактор энтропии в развитии человека и общества. Гуманитарные аспекты информационной безопасности*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pycode.ru/2014/03/faktor-entropii-v-razviti-i-cheloveka-i-obshhestva/>
- Koselleck, R. 1979: Über die Verfügbarkeit der Geschichte. In: *Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten* 3. Aufl. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 260–277.
- Meysan, T. 2007: *L'effroyable imposture* Kn. 2: *Manipulations et désinformations*, Éditions Alphée – Jean-Paul Bertrand. Paris.

REFERENCES

- Docenko, E. 1997: *Psihologija manipulacij*, http://sbiblio.com/biblio/archive/docenko_psi/01.aspx.
- Fedorov, D. 2014: *Faktor jentropii v razviti-i cheloveka i obshhestva. Gumanitarnye aspekty informacionnoj bezopasnosti*, <http://pycode.ru/2014/03/faktor-entropii-v-razviti-i-cheloveka-i-obshhestva>.
- Kara-Murza, S.G. 2004: *Manipuljacija soznaniem*, <http://www.kara-murza.ru/manipul.htm>.
- Karauulov, Ju.N., Cherkasova, G.A., Ufimceva, N.V., Sorokin, Ju.A., Tarasov, E.F. 2002: *Russkij asociativnyj slovar'*: v 2 t. T. 1. Moscow.
- Koselleck, R. 1979: Über die Verfügbarkeit der Geschichte. In: *Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten* 3. Aufl. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 260–277.
- Kozlova, O.N. 2010: *Manipuljacija soznaniem i sub#ektnost' v HHI veke*. *Vestnik RGGU* 3, 113-130, <http://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsiya-soznaniem-i-subektnost-v-hhi-veke#ixzz43ACGgkJ9>
- Meysan, T. 2007: *L'effroyable imposture* Kn. 2: *Manipulations et désinformations*, Éditions Alphée – Jean-Paul Bertrand. Paris.
- Ozhegov, S.I., Shvedova, N. Ju. 1999: *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka*. Moscow.
- Stepanov, Ju. 2001: *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury*. Moscow.
- Zamjatin, E. 1989: *Izbrannoe*. Moscow.

«BEFORE YOU USE A WEAPON, WE WILL APPLY THE WORD».
TEXT MARKERS FOR UNLIMITED LIE AND FOR LITTLE TRUTH
IN THE STATE NEWSPAPER
(through the pages of E. Zamyatin's novel "We")

Svetlana L. Andreeva

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
216zamsv@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of manipulations with public consciousness in

the state newspapers. The article also has its aim to help the readers develop critical thinking and skills of recognition of truth and falsehood propaganda texts.

A stylized fragment of newspaper text from Zamyatin's novel "We" served as research material. Dystopias are valuable because they are indicators of the stereotypes of mass consciousness that are used by manipulators. Utopia is a ready-made coherent system of social stereotypes, so manipulators easily "juggle" even the most inoffensive utopian ideas. The main attraction of the Utopian constants is their strong link with the cultural and historical memory of the people and the unconditional positive evaluation, which blocks critical thinking. In the analyzed passage of the novel we present a typical model of the newspaper manipulation.

The article analyzes the technology of public opinion manipulation using speech patterns that make mechanisms of manipulation invisible - blocking of critical thinking (flattery, intimidation), deformation of the original image, formation of the key manipulating illusions, setting the desired target. The manipulation technology unfolds hidden in the subtext, which uses speech patterns: patterns of the sentence actual division; incongruous combination of connotative words; use of words with weak or no substantive value; formation of the desired background using associative allusions, partially distorting the meaning of the ancient texts; transformation of syntactic phraseological units, substitution of notions, repetitions, etc.

The propaganda character of the text in the state newspaper is understood by the repetition of elements of the text, their strict sequence verified by laconic forms and the lack of "lyrical digressions". Honed propaganda texts are the result of the action of a typical mechanism of manipulations with public consciousness.

Key words: technology manipulation, social consciousness, newspaper text, dystopia "We", E.I. Zamyatin, speech stereotypes
